

**Воспоминания ополченца 4-й дивизии народного ополчения
Куйбышевского района г. Москвы [Кузьмина Валериана Николаевича](#)**

Источник: <https://www.moypolk.ru/soldier/kuzmin-valerian-nikolaevich>

Так было всегда в истории нашего Отечества. Когда над ним сгущались тучи и враг вторгался в его пределы, народ, вставая на защиту Родины, создавал народное ополчение. Об этом напоминает нам прекрасный памятник Минину и Пожарскому на Красной площади Москвы.

Так было и в начале июля 1941 г., когда во многих учреждениях и институтах Москвы проходили короткие митинги и собрания с одним вопросом – создание ОПОЛЧЕНИЯ. Многие шли прямо в военкоматы с одним желанием: вступить в ополчение.

Десятки тысяч москвичей по зову сердца добровольно вступили в ряды формирующихся дивизий. В Москве было сформировано 16 дивизий народного ополчения. В нашу четвертую дивизию Куйбышевского района Москвы вошли 550 сотрудников Наркомвнешторга, 430 – Наркомфина, 350 – Центросоюза, 10 сотрудников Московского городского дома пионеров и множество людей из других учреждений.

Сборы были недолги, время торопило. В ночь с 12 на 13 июля дивизия на сотнях грузовых полуторок выехала из Москвы. К утру прибыли в Вязьму. Город горел, эвакуировались тыловые учреждения, войсковые части, госпитали, гражданское население, отовсюду раздавался плач детей и женщин. В воздухе время от времени появлялись фашистские самолеты, которые наугад сбрасывали бомбы, сея панику.

Так для нас начиналась война.

Потом наша дивизия была переброшена в район озера Селигер, где она являлась заслоном для врага, стремившегося переправиться с западного на восточный берег.

Когда же под угрозой оказалась Москва, мы были переброшены в ночь с 12 на 13 октября 1941 г. в район западнее Наро-Фоминска.

К. Симонов об обстановке того времени писал: «Под Боровском, закрыв прорыв, вступила в бой 4-я московская дивизия. Люди в ней были недостаточно обучены, мало было современного оружия, но дрались самоотверженно. Если они оставляли какой-либо населенный пункт или кусок земли, то в ту пору это значило, что ни одного живого защитника там не осталось».

Г.К. Жуков, который не был щедр на похвалы, писал в 1969 г. о нашей дивизии в своей книге «Воспоминания и размышления»: «Под стенами старинного города Боровска прославили свои боевые знамена солдаты и командиры 110-й стрелковой дивизии».

16 октября 1941 г. наша батарея 1287 полка занимала боевой рубеж на опушке леса между селами Мишуково и Ильино под Наро-Фоминском. Было солнечное утро, вдруг в небе появился двухфюзеляжный самолет-разведчик, он на небольшой высоте пролетел над полем, надо думать, засекая наше место нахождения, и скрылся, но мы поняли, что от этого визита добра не будет.

Спустя несколько минут из-за леса появились немецкие бомбардировщики, их было около двадцати. Они летели низко, чуть не задевая верхушки деревьев, сбрасывая бомбы разных калибров, вплоть до тонны. Для воздействия на нашу психику они включили сирены.

Двадцать самолетов врага бомбили сто двадцать метров земли, занимаемой четырьмя нашими пушками. Грохот рвущихся бомб, вой самолетов, треск ломающихся огромных деревьев, вздыбленная взрывами земля, пронзительный визг осколков – все это вмешалось в сплошную страшную какофонию... Мы находились где-то на грани жизни и смерти. Нет, пожалуй, дальше от жизни и ближе к смерти.

Взрывом пятисоткилограммовой бомбы опрокинуло пушку и засыпало расчет. Когда мы их откопали, они были уже мертвы.

Когда закончилась бомбардировка, первое, что мы слышали: «Убили комиссара». Мы подбежали к комиссару, он был смертельно ранен. Один из нас снял с себя плащ-палатку и прикрыл ею комиссара. Мы хотели отнести его на санитарную повозку, которая была в глубине леса, но буквально через несколько шагов увидели, что он умер. Это был прекрасный человек, работник Министерства просвещения [Федор Степанович Гайворонский](#).

Шел бой, к вечеру он поутих. Обходя поле боя с целью убедиться, что там не осталось раненых, медсестра Валя увидела лежащего комиссара противотанкового дивизиона. Он был тяжело ранен в голову, грудь и бедро. Валя быстро перевязала раненого, затем расстелила на двух больших ветках плащ-палатку, положила на нее раненого и волоком по очень глубокому снегу потащила его к медсанбату. Она уже теряла силы, когда ее заметили из медсанбата и поспешили на помощь. Врач, осмотревший раны, поинтересовался, кто это так умело сделал перевязку. Ему ответили, что это медсестра [Валя Рева](#). Вскоре, не меняя повязок, комиссара отправили в прифронтовой госпиталь.

Через тридцать лет они встретились на сборе ветеранов 4-й дивизии народного ополчения, и комиссар сказал: «Валя, я обязан тебе жизнью». Это был [Федор Макарович Беляев](#). Их дружба продолжалась долгие годы.

В концертном зале Московского городского Дворца пионеров и школьников проходила встреча участников Великой Отечественной войны. Трое ветеранов, рассказывая о различных эпизодах войны, вспомнили, как под Кенигсбергом, буквально у них на глазах, погибла комсомолка медсестра Молодцова. Но вот из зала в президиум была направлена записка. Когда председательствующий получил ее, он извинился перед выступающими и сказал, обращаясь к залу: «Я прочту вам, что здесь написано: комсомолка Молодцова, о которой говорили, что она погибла, присутствует в зале».

Председательствующий попросил ее подняться на сцену и рассказать, как все было. На сцену поднялась средних лет женщина. Зал затих.

Вот ее рассказ.

Полк пошел в атаку, когда возле нее разорвался снаряд и засыпал ее землей. Товарищи по полку все это видели и решили, что она погибла. Но после боя ее подобрала санитары и отправили на лечение в госпиталь. Как это бывало в военное время, ее часто переводили из госпиталя в госпиталь, поэтому она потеряла следы полка...

Наша 4-я дивизия народного ополчения, в дальнейшем 110-я стрелковая дивизия, 84-я Гвардейская Карачаевская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия прошла с боями от стен Москвы до Кенигсберга, одержав десятки побед на своем боевом пути. К сожалению, до Дня Победы не всем довелось уцелеть, многие остались на поле боя.